

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЗАЙКИНА против РОССИИ»

(Жалоба № 14620/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу: 21 мая 2019 года

Данное постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Зайкина против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель,*

Дмитрий Дедов,

Йолин Схёккинг, *судьи,*

и Фатош Арази, *Заместитель Секретаря секции,*

проведя заседание за закрытыми дверями 30 апреля 2019 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 14620/09), поданной в Суд в отношении Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданкой России Зайкиной Динарой Вячеславовной (далее - «заявительница»)¹ 17 ноября 2008 года.

2. Интересы заявительницы в Суде представлял, адвокат, практикующий в г. Санкт-Петербурге, Шерцев А.Н. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») первоначально представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации Г.О. Матюшкин, а затем - его преемник на этом посту М.Л. Гальперин.

3. 19 сентября 2016 года жалоба на предполагаемое нарушение права заявительницы на неприкосновенность ее жилища была коммуницирована Властям, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

4. Власти возражали против рассмотрения жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение Властей, Европейский Суд отклоняет его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница, 1982 года рождения, проживает в г. Санкт-Петербурге.

6. В 1972 году бабушке заявительницы М. была предоставлена квартира по договору социального найма. Ее сын, являвшийся дядей заявительницы, проживал в этой квартире до своей смерти в ноябре 1998 года.

7. В 1995 году дядя заявительницы признал, что он являлся отцом новорожденного мальчика А., чьей матерью была Г., и по его просьбе мальчик был прописан в этой квартире, как внук М.

8. В ноябре 1998 года дядя заявительницы умер.

9. В декабре 1998 года заявительница переехала в квартиру со своей бабушкой, и с письменного согласия ее бабушки органы власти прописали ее в квартире, как внушку М.

10. В октябре 2004 года заявительница и ее бабушка подали исковое заявление в отношении Г., поскольку та являлась законным представителем несовершеннолетнего А. В соответствующей части искового заявления говорилось следующее:

«Мой сын, Мошкин Юрий ..., имел близкие отношения с ответчиком [Г.]. В мае 1995 года она [Г.] родила мальчика А. Мошкин Ю.М. признал свое отцовство в отношении А. и прописал его в нашем жилище.

1. До 2007 года фамилия заявительницы была Ансимова. После женитьбы в 2007 году она взяла фамилию мужа

Несовершеннолетний А., так и не переехал в нашу квартиру, поскольку его мать, являющаяся ответчиком по настоящему делу, проживает в соседнем многоквартирном доме в трехкомнатной квартире вместе со своими родителями. ...

Мошкин Юрий, отец несовершеннолетнего А., умер в ноябре 1998 года.

Плата за квартиру увеличивается с каждым годом. Мы, истцы, имеем доход ниже минимальной заработной платы. Мне присвоена инвалидность второй группы, тогда как Ансимова Динара [заявительница] является студенткой ...

Ответчик не оплачивает коммунальные услуги за своего сына, который прописан в квартире ...

Принимая во внимание, что несовершеннолетний А., 1995 года рождения был прописан в нашей квартире, но никогда не переезжал в нее, он не имеет никаких прав на это жилище, поскольку прописка является административным актом.

В соответствии со статьей 20 Гражданского кодекса местом жительства несовершеннолетних в возрасте до 14 лет является место жительства их законных представителей - их родителей. А., 1995 года рождения, получил право на жилое помещение, в котором проживает его мать [Г.] ...»

11. Заявительница и ее бабушка просили суд признать, что сын Г. не приобрел права пользования квартирой. Позже они подали дополнительные исковые заявления, пытаясь взыскать с Г. суммы коммунальных платежей. В частности, они утверждали, что Г. начала оплачивать коммунальные платежи в апреле 2005 года, после того как они подали против нее иск. Они также утверждали, что у них накопились долги по коммунальным платежам.

12. Г. подала встречное исковое заявление в отношении заявительницы и ее бабушки, требуя выселения заявительницы из квартиры. В частности, она утверждала, что после смерти отца ее сына, заявительница, которая проживала в квартире, и ее бабушка сменили замки и не впускали ее и ее сына в квартиру. Она утверждала, что в 2003 году она вышла замуж и теперь она и ее сын проживают в квартире ее мужа.

13. В октябре 2005 года бабушка заявительницы умерла. После ее смерти заявительница изменила свои исковые требования. Она просила суд признать ее квартиросъемщиком и заключить с ней договор социального найма. В подтверждение своих требований заявительница привела следующие доводы:

(а) Она проживала в квартире вместе со своей бабушкой с 1984 года, а с 1998 года была прописана в ней в качестве внучки М. Они проживали как семья в общем жилище, и она заботилась о своей бабушке. Несколько раз власти признавали, что она и ее бабушка являются малообеспеченной семьей, и выдавали им жилищное пособие.

(б) Она провела в квартире ремонт за свой счет.

(в) Сын Г. был прописан в квартире, но никогда не проживал в ней. Он всегда проживал с Г. в принадлежащей ей трехкомнатной квартире.

(г) Г. не оплачивала долю своего сына в счетах за квартиру.

14. Г. также подала дополнительные иски, пытаясь подтвердить право ее сына на квартиру и попросив выписать заявительницу. На этот раз Г. утверждала, что заявительница никогда не переезжала в квартиру и никогда не проживала в ней.

15. Решением от 25 апреля 2007 года Невский районный суд г. Санкт-Петербурга (далее - «районный суд») постановил выселить заявительницу из квартиры, постановив, что сын Г. имеет право проживания в квартире и что районная администрация должна заключить с ним договор социального найма.

16. Определением от 19 июля 2007 года Санкт-Петербургский городской суд (далее - «городской суд») отменил решение от 25 апреля 2007 года в части, касающейся выселения заявительницы и обязательства районной администрации заключить договор социального найма с сыном Г. Дело было возвращено в районный суд на новое рассмотрение. Городской суд среди прочего установил, что, придя к выводу о том, что заявительница не доказала, что она переехала в квартиру в качестве члена семьи ее бабушки, и, приняв решение о выселении заявительницы, районный суд не дал никакой оценки тому факту, что бабушка заявительницы первоначально подала судебный иск вместе с заявительницей и никогда не оспаривала право заявительницы проживать в квартире.

Городской суд также указал, что районный суд не рассмотрел другие представленные заявительницей доказательства, подтверждающие, что она провела ремонт и отделочные работы в квартире, фотографии заявительницы с бабушкой, которая была сделана в спорной квартире, и другие представленные заявительницей доказательства.

17. По результатам повторного рассмотрения решением от 5 марта 2008 года районный суд постановил выселить заявительницу. Со ссылкой на статьи 53 и 54 Жилищного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (см. «Применимое национальное законодательство» ниже) районный суд постановил, что заявительница и сын Г. оба были прописаны в квартире, как внуки М., которая являлась предыдущим нанимателем. Суд счел, что Г. доказала, что ее сын переехал в квартиру и проживал там некоторое время, но не смог снова въехать в нее, потому что заявительница не впустила его. Суд счел, что заявительница не доказала, что она переехала в квартиру в качестве члена семьи ее бабушки и проживала в одном с ней доме и заботилась о ней. Суд пришел к выводу о том, что заявительница должна быть выселена из квартиры без предоставления альтернативного жилья.

18. Заявительница обжаловала данное решение суда. Она в частности утверждала, что районный суд не дал никакой оценки тому факту, что она и ее бабушка первоначально подали совместный судебный иск в качестве членов одной семьи, и, что ее бабушка никогда не оспаривала ее право занимать квартиру. Районный суд также не принял во внимание ее показания о том, что она с детства проживала в данной квартире, что ее бабушка просила власти прописать в квартире, и что в 2000 и 2001 годах органы социального обеспечения признали их малообеспеченной семьей. Несовершеннолетний А., всегда проживал со своей матерью Г. в принадлежащей ей трехкомнатной квартире.

19. Определением от 19 июня 2008 года городской суд оставил это решение суда без изменений. Городской суд в частности установил, что при вынесении решения по делу, суд первой инстанции оценил все доказательства, в том числе показания свидетелей, и обоснованно указал, что А. получил право на пользование спорной квартирой, поскольку он въехал в квартиру в качестве члена семьи нанимателя в предусмотренном законом порядке. Таким образом, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что исковые требования, поданные Г., являвшейся матерью А., подлежат удовлетворению. Городской суд согласился с выводом суда первой инстанции о том, что исковые требования заявительницы должны быть оставлены без удовлетворения, поскольку заявительница не доказала, что она переехала в оспариваемую квартиру и вела совместное хозяйство с нанимателем М., которая являлась ее бабушкой. Ее прописка в этой квартире носила административный характер и самостоятельного права на жилую площадь без фактического вселения не порождала. При таких обстоятельствах постановление суда первой инстанции являлось законным и обоснованным. Городской суд также постановил, что доводы, изложенные в жалобе заявительницы, были направлены на переоценку доказательств по делу, и что, учитывая новый вывод о том, что суд первой инстанции должным образом оценил представленные доказательства, эти основания не могли служить причиной для отмены решения суда первой инстанции.

20. В неустановленный день заявительница была выселена из квартиры.

21. В январе 2009 года администрация Невского района г. Санкт-Петербурга заключила с А. договор социального найма в отношении данной квартиры.

22. 17 февраля 2009 года заявительница была прописана в коммунальной квартире, в которой ее муж владел комнатой.

23. 30 декабря 2009 года квартира, из которой заявительница была выселена, была передана А. путем приватизации.

24. 31 декабря 2009 года заявительница, ее муж и ее дочь были включены в список лиц, нуждающихся в муниципальном жилье.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Жилищный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1983 года

25. Статья 53 Кодекса предусматривала, что члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, пользуются наравне с нанимателем всеми правами и несут все обязанности, вытекающие из договора найма жилого помещения. К членам семьи нанимателя относятся супруг нанимателя, их дети и родители. Другие родственники и нетрудоспособные иждивенцы могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство. Статья 54 Кодекса предусматривала, что наниматель вправе вселить в занимаемое им жилое своих родственников и иных лиц, которые получают те же права на пользование жилым помещением.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

26. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявительница жаловалась на нарушение своего права на неприкосновенность ее жилища. Статья 8 Конвенции предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость жалобы

27. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Утверждения Властей Российской Федерации

28. Власти утверждали, что выселение заявительницы соответствовало закону, преследовало законные цели, предусмотренные пунктом 2 статьи 8 Конвенции, и было пропорциональным и необходимым в демократическом обществе. Настоящее дело отличается от дел против Хорватии, касающихся выселения заявителей (постановление Суда от 15 января 2009 года по делу «Косич против Хорватии» (*Ćosić v. Croatia*), жалоба № 28261/06, и постановление Суда от 22 октября 2009 года по делу «Паулич против Хорватии» (*Paulić v. Croatia*), жалоба № 3572/06). В этих делах заявители переехали в свои квартиры на законных основаниях и не имели альтернативного жилья. После их выселения квартиры перешли в собственность государства. Заявительница в настоящем деле незаконно переехала в квартиру, не получив письменного согласия своего дяди. Государство не являлось стороной в рассматриваемом разбирательстве, и после выселения заявительницы данная

квартира была передана частному лицу - несовершеннолетнему А. До прописки в квартире ее бабушки заявительница была прописана в квартире ее матери, а после ее выселения она была прописана в комнате, принадлежащей ее мужу в коммунальной квартире. Следовательно, после ее выселения из оспариваемой квартиры заявительница не была лишена возможности переехать в другое жилье. Согласно внутригосударственному законодательству, прописка в конкретном жилище не влечет за собой никаких прав или обязательств в отношении этого жилища.

29. Внутригосударственные суды рассмотрели доводы и доказательства, приведенные заявительницей в обоснование своих требований, а также показания свидетелей и пришли к выводу о том, что она никогда не переезжала в квартиру в качестве члена семьи ее бабушки, не вела с ней общего хозяйства и, следовательно, не приобрела те же права на пользование квартирой, что были у ее бабушки. Что касается А., то суды установили, что он на законных основаниях получил право на проживание в квартире, поскольку он переехал в квартиру вместе с отцом (дядя заявительницы), и, что в случае удовлетворения исковых требований заявительницы, его право на жилище будет нарушено. Наконец, было важно, что заявительница инициировала судебное разбирательство с целью лишить А. его права на жилище, а не с тем, чтобы защитить свое право на неприкосновенность ее жилища.

2. Доводы заявительницы

30. Заявительница утверждала, что тот факт, что в отношении нее были поданы исковые заявления о выселении, доказывает, что она *de facto* проживала в квартире. В 1998 году она была законно переселена в квартиру вместе с ее бабушкой, которая являлась нанимателем квартиры. Она не нуждалась в согласии своего дяди, так как к тому времени он умер. Эта квартира была ее единственным домом, так как после переезда она утратила право проживать в квартире своей матери. Комната, в которую она была вынуждена переехать после выселения, была частью коммунальной квартиры, а сама комната имела площадь 21 кв.м. и в ней проживало пять человек, включая ее и ее новорожденную дочь. Заявительница утверждала, что власти Российской Федерации не обосновали должным образом пропорциональность ее выселения.

3. Оценка Суда

31. Власти не оспаривали, что данная квартира являлась «жилищем» заявительницы по смыслу статьи 8 Конвенции, и, что ее выселение из этой квартиры было равносильно вмешательству в ее право на неприкосновенность ее жилища. Суд признает, что это вмешательство было в соответствии с законом и преследовало законную цель защиты прав других лиц, а именно А. Следовательно, главным вопросом в этом деле является то, было ли вмешательство пропорциональным преследуемой цели и, следовательно, «необходимым в демократическом обществе».

32. Суд изложил принципы, применимые при оценке необходимости вмешательства в право на неприкосновенность «жилища», в постановлении Европейского Суда от 27 мая 2004 года по делу «Коннорс против Соединенного Королевства» (*Connors v. the United Kingdom*), жалоба № 66746/01, пункты 81-84, в котором рассматривались обстоятельства выселения семьи цыган с площадки, выделенной органами местного самоуправления под стоянку передвижных домов, в рамках суммарного производства. Впоследствии, в постановлении по делу «МакКанн против Соединенного Королевства» (*McCann v. the United Kingdom*) (жалоба № 19009/04, пункт 50, ECHR 2008) Суд пришел к выводу о том, что подход, примененный Судом в рамках дела «Коннорс против Соединенного Королевства», распространяется не только на семьи цыганского происхождения или на ситуации, при которых заявители оказались вынуждены оспаривать закон как таковой, а не его применение к обстоятельствам конкретного дела; и далее Суд указал:

«Утрата жилища является крайней формой вмешательства в право на неприкосновенность жилища. Любое лицо, которому угрожает риск вмешательства такой степени, в принципе должно иметь право на определение соразмерности такой меры независимым судом с учетом соответствующих принципов статьи 8 Конвенции даже в том случае, если в соответствии с национальным законодательством оно утратило право на проживание в нем».

33. В настоящем деле заявительница поднимала вопрос о ее праве на неприкосновенность жилища перед внутригосударственными судами и представила аргументы, ставящие под сомнение пропорциональность этого вмешательства (см. пункты 13 и 18 выше). Суть ее аргументов во внутригосударственных судах заключалась в том, что ее бабушка прописала ее в квартиру в качестве члена ее семьи, что подтверждалось тем фактом, что они подали совместное исковое заявление в отношении Г. в качестве членов одной семьи, потому что они больше не могли оплачивать все расходы на квартиру.

34. Власти утверждали, что вмешательство в право заявительницы на неприкосновенность ее жилища было пропорциональным и «необходимым в демократическом обществе», поскольку заявительница незаконно переехала в квартиру, и у нее было альтернативное место для проживания. Кроме того, вмешательство имело целью защитить право А. на неприкосновенность его жилища. В этом отношении, несмотря на то, что законность установления жилища в определенном месте и наличие альтернативного жилья могут иметь значение для оценки пропорциональности выселения, Суд отмечает, что эти вопросы не рассматривались внутригосударственными судами в настоящем деле. Что касается интересов А., то Европейский Суд согласен с тем, что в настоящем деле внутригосударственные суды должны были обеспечить баланс между конкурирующими интересами двух частных лиц, а именно между правом А. и правом заявительницы занимать государственную квартиру по договору социального найма после смерти нанимателя. Однако Суд не убежден в том, что, принимая решение о выселении заявительницы, внутригосударственные суды обеспечили баланс между этими интересами таким образом, чтобы это отвечало требованиям статьи 8 Конвенции.

35. Суд отмечает, что внутригосударственные суды установили, что и А. и заявительница являлись внуками умершей нанимательницы квартиры М., и оба были прописаны в квартире в качестве ее внуков (см. пункт 17 выше). Они оба утверждали, что получили право проживать в квартире после смерти их бабушки. Чтобы решить дело, внутригосударственные суды должны были установить, могли ли заявительница и А. быть признаны членами семьи нанимательницы. Заявительница утверждала, что она и ее бабушка первоначально подали совместный судебный иск в качестве членов одной семьи, что ее бабушка никогда не оспаривала ее право занимать квартиру, и что в ряде случаев органы социального обеспечения признавали ее и ее бабушку малообеспеченной семьей и выдавали им жилищное пособие (см. пункты 13 и 18 выше). Однако ни суд первой инстанции (при повторном рассмотрении дела 5 марта 2008 года), ни суд второй инстанции, который рассмотрел дело 19 июня 2008 года, не приняли во внимание эти доводы. Суд считает, что сам факт того, что А. получил право проживать в квартире, но фактически не проживал там, не был достаточным для объяснения того, почему интересы А. имеют первостепенную важность относительно интересов заявительницы, и почему выселение заявительницы было оправданным. Таким образом, не рассмотрев суть доводов заявительницы, внутригосударственные суды не смогли обеспечить баланс между конкурирующими правами и, следовательно, не смогли определить соразмерность вмешательства в право заявительницы на неприкосновенность ее жилища.

36. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

37. Суд рассмотрел другие жалобы заявительницы после доведения этих жалоб до сведения властей. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы в

той степени, в которой данные жалобы относятся к компетенции Суда, Суд полагает, что представленные доказательства не свидетельствуют о каком-либо нарушении прав и свобод, закрепленных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в силу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 Статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

38. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

39. Заявительница требовала 35 711 евро в качестве компенсации материального ущерба, т.е. сумму, которая составляла половину стоимости квартиры, из которой она была выселена, и стоимость ремонтных работ, которые она провела в квартире. Она также требовала 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

40. Власти утверждали об отсутствии причинно-следственной связи между жалобой заявительницы на нарушение статьи 8 Конвенции и ее требованиями компенсации материального ущерба. Они также утверждали, что ее требования компенсации морального вреда являются чрезмерными и необоснованными.

41. Суд не усматривает какой-либо причинной связи между установленным нарушением и заявленным материальным ущербом; следовательно, Суд отклоняет данное требование. С другой стороны, он присуждает заявительнице 9 750 евро в качестве компенсации морального вреда.

Б. Расходы и издержки

42. Заявительница также потребовала 931 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ею в ходе разбирательств во внутригосударственных судах, а также 2 345 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ею в ходе разбирательств в Европейском Суде.

43. Власти утверждали, что требования заявительницы о возмещении судебных расходов и издержек, понесенных ею в ходе разбирательств во внутригосударственных судах, являются необоснованными, а ее требования о возмещении расходов, понесенных ею в ходе разбирательств в Европейском Суде, являются чрезмерными.

44. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявительница имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой ей было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить заявительнице сумму в размере 1 000 евро на покрытие всех заявленных расходов.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

45. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобу заявительницы на нарушение права на неприкосновенность ее жилища приемлемой, а остальную часть жалобы - неприемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
3. *постановил*
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик должно выплатить заявительнице указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 9 750 (девять тысяч семьсот пятьдесят) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 евро (одну тысячу евро), плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального Банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
4. *отклонил* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 21 мая 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря Суда

Алина Полачкова
Председатель